

ГЕНІАЛЬНОСТЬ,
ПСИХИЧЕСКАЯ НЕУРАВНОВѢШЕННОСТЬ
И
ПРЕСТУПНОСТЬ.

Б. И. Воротынскаго

ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

Привать-доцента Императорскаго Казанскаго Университета.

Публичная лекція, читанная 31 іюля 1898 года
въ г. Тобольскѣ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

Печатано по опредѣленію Общества невропатологовъ и психіатровъ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Н. Поповъ.

Мм. г-ни и Мм. г-ри!

Современная психопатологія выдвинула не мало крайне трудныхъ и сложныхъ вопросовъ, относительно которыхъ взгляды ученыхъ рѣзко расходятся между собою, а подчасъ даже прямо противорѣчатъ другъ другу. Осторожные авторы обыкновенно воздерживаются отъ изложенія такихъ спорныхъ предметовъ, такъ какъ заниматься изслѣдованіемъ „опасныхъ вопросовъ“ никогда не бываетъ выгодно. Къ числу вопросовъ этой категоріи слѣдуетъ отнести, между прочимъ, и вопросъ объ отношеніи геніальности къ душевному разстройству—съ одной стороны и этого послѣдняго къ преступленію—съ другой.

Представители науки обычно предпочитаютъ разсматривать подобные вопросы въ специальныхъ трудахъ, въ отдельныхъ монографіяхъ, предназначая ихъ опредѣленному кругу читателей, интересующихся даннымъ предметомъ. Поступая такимъ образомъ, они очевидно руководятся тѣми соображеніями, что, излагая строго научные предметы, всегда нужно имѣть въ виду извѣстный составъ слушателей, общій уровень ихъ умственного развитія, степень ихъ образовательной подготовкы. Такая авторская предусмотрительность несомнѣнно имѣетъ свой смыслъ и значеніе, такъ какъ недостаточно продуманная новая теорія или гипотеза, поверхностно усвоенная оригинальная мысль, ложно понятый научный тезисъ нерѣдко даютъ поводъ къ крайнимъ мнѣніямъ, къ неправильнымъ выводамъ и превратнымъ толкованіямъ.

Если я сегодня въ публичной лекціи рѣшился изложить передъ Вами современное научное состояніе вопроса объ отношеніи геніальности и психической неуравновѣшенности къ преступленію, то мною въ этомъ отношеніи руководила, во первыхъ, увѣренность, что я встрѣчу передъ собою аудиторію, которая знакома съ приѣмами естественно-научнаго изслѣдованія, которая привыкла къ научнымъ бесѣдамъ и умѣетъ оперировать съ фактами изъ области положительныхъ наукъ. Съ другой стороны, избирая для своей лекціи настоящую тему, я основывался на томъ, что въ переживаемое нами время психіатрія завоевала выдающееся положеніе въ наукѣ и въ жизни, а потому ознакомленіе публики съ основами психопатологии и выясненіе передъ ней наиболѣе важныхъ въ практическомъ отношеніи психіатрическихъ вопросовъ представляетъ для спеціалиста благодарную задачу. Наконецъ, я не упустилъ изъ виду и того обстоятельства, что за послѣднее время психіатрія встала въ близкія отношенія къ уголовному праву и новѣйшіе ея успѣхи дали толчекъ къ развитію въ наукѣ уголовного права новаго направленія, создавшаго уже цѣлую школу антропологовъ-позитивистовъ, занимающихся изученіемъ „преступнаго человѣка“ съ помощью естественно-научныхъ методовъ изслѣдованія. Этимъ путемъ психіатрія была введена въ область уголовного права и съ этого времени послѣдовало еще большее сближеніе психіатровъ съ учеными криминалистами, совмѣстная работа которыхъ принесла уже весьма ощутительные результаты, измѣнивши старыя взгляды на природу преступления и на смыслъ и значеніе наказанія, а также способствуя прогрессивному развитію законовѣдѣнія. Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія затронутый мною вопросъ несомнѣнно представляетъ общій интересъ и потому имѣетъ право на нѣкоторое къ себѣ вниманіе.

Сдѣлавши это небольшое вступленіе, я считаю еще необходимымъ вкратцѣ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній, которыя отчасти выяснятъ характеръ моей предстоящей бесѣды и намѣтятъ тѣ главные положенія, которыя я намѣренъ развить передъ Вами по преимуществу.

Я ставлю себѣ задачей изложить передъ Вами главнѣйшіе выводы, добытые современной наукой, и господствующіе взгляды, установившіеся по вопросу объ отношеніи гениальности къ душевному разстройству, а этого послѣдняго къ преступленію. Проводя такую параллель, я буду основываться преимущественно на психо-физиологическихъ данныхъ, которыми располагаетъ наука, благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ этой области психіатрами, психологами, учеными криминалистами и соціологами. При этомъ я ограничусь только приведеніемъ достовѣрныхъ научныхъ фактовъ и разсмотрѣніемъ тѣхъ условій, при которыхъ они наблюдаются, потому что въ области положительнаго знанія роль науки весьма нерѣдко этимъ и исчерпывается.

Мы не должны однако смущаться такимъ положеніемъ дѣла, такъ какъ намъ хорошо извѣстно, что наука часто не можетъ указать причинъ многихъ біологическихъ явленій, не въ состояніи раскрыть особенно запутанныхъ проблемъ природы. Въ настоящее время мы прекрасно изучили многія явленія въ области свѣта и электричества, мы точно знаемъ законы тяготѣнія и химическаго средства, подчинили себѣ всѣ силы природы и давно уже такъ умѣло и съ такимъ успѣхомъ пользуемся ими и примѣняемъ ихъ для нашихъ жизненныхъ потребностей, а между тѣмъ не знаемъ, и едва ли когда либо будемъ знать, что такое свѣтъ и электричество, почему земля тяготѣетъ къ солнцу, почему кислородъ и водородъ соединяются. Точно также и въ области психо-физиологіи мы встрѣчаемся съ многими фактами, причины которыхъ открыть не можемъ, наблюдаемъ много явленій, сущности которыхъ совершенно не знаемъ, но въ то же время хорошо изучили тѣ законы, по которымъ они совершаются, и тѣ условія, которыя ихъ вызываютъ. Такъ какъ великія открытія въ области физики, математики и другихъ точныхъ наукъ уже достаточно научили насъ ничему не удивляться и ничего не отвергать апріорно, то и по отношенію къ психо-физиологическимъ явленіямъ нашъ умъ долженъ быть настроенъ такимъ же образомъ: мы не должны и здѣсь

отрицать и поспѣшно осмѣивать даже такіе факты, которые на первый взгляд поражают своей парадоксальностью.

Приступая къ разрѣшенію поставленной нами задачи, прежде всего необходимо выяснитъ, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ гениальность. Мы знаемъ, что душевное здоровье не представляетъ собою чего либо математически опредѣленнаго; несомнѣнно также и то, что образецъ здороваго ума есть только идеальное представленіе, которое мы не можемъ выразить въ какой либо конкретной формѣ. Отсюда весьма понятно, почему выдающіяся личности, поражающія насъ свободнымъ полетомъ фантазіи, величіемъ души и мощной силою оригинальнаго ума, всегда останавливали на себѣ всеобщее вниманіе и особенно интересовали ученыхъ, старающихся проникнуть въ тайны душевной жизни этихъ феноменовъ, выяснитъ условия, ихъ создающія.

Въ исторіи принято называть великими людьми тѣхъ, кто прославился своею дѣятельностью въ области политики, науки или искусства, кто открылъ человѣчеству новые пути, создалъ какую либо глубокую по своему замыслу научно-философскую систему или облагодѣтельствовалъ міръ какими либо великими открытіями, изобрѣтеніями. Самая характерная особенность этихъ великихъ людей, этихъ необыкновенныхъ существъ, заключается въ той способности, въ томъ „чудномъ дарѣ“, который принято называть гениемъ.

Съ давнихъ поръ человѣчество усматривало въ подобныхъ личностяхъ проявленіе какой-то особенной, таинственной, сверхъестественной силы, которая не поддается научному анализу, стоитъ внѣ и выше научнаго изслѣдованія. Однако за послѣднее время, вмѣстѣ съ развитіемъ физиологіи центральной нервной системы и благодаря новѣйшимъ успѣхамъ патологической и экспериментальной психологіи, для насъ стали выясняться понемногу законы психической дѣятельности человѣка, начали раскрываться тайники человеческой души. Одновременно съ этимъ мы получили возможность ближе подойти къ изученію высшихъ проявленій человеческого духа во всѣхъ его видахъ и формахъ.

Первую оригинальную попытку психо-физиологического анализа той способности, которую принято называть гениальностью, сдѣлалъ извѣстный итальянскій ученый, професоръ судебной медицины, Ломброзо. Исходя изъ того положенія, что великіе и гениальные люди очень нерѣдко отличаются невропатическою и психопатическою наслѣдственностью и происходятъ изъ семействъ, въ которыхъ наблюдались алкоголики, сумасшедшіе, преступники, нравственно-помѣшанные и идіоты, а также принимая во вниманіе то обстоятельство, что очень часто у гениальныхъ людей въ сферѣ воли и въ особенности въ сферѣ чувства наблюдается много ненормальностей, которыя обуславливаютъ подчасъ импульсивность и большую странность ихъ поступковъ, Ломброзо пришелъ къ тому выводу, что гениальность есть извѣстная форма психоза, развивающагося на почвѣ вырожденія и проявляющагося многими признаками эпилептического характера.

Такой рѣшительный и смѣлый выводъ, сдѣланный оригинальнымъ изслѣдователемъ, былъ встрѣченъ въ ученомъ мѣрѣ очень недружелюбно и къ нему отнеслись крайне скептически. Прежде всего казалось слишкомъ парадоксальнымъ то положеніе, какимъ образомъ гениальный человѣкъ, слѣдовательно существо, долженствующее обладать особенно развитымъ мозгомъ и мощнымъ умомъ, въ то же время можетъ быть и ненормальнымъ. На Ломброзо посыпались со всѣхъ сторонъ нападки, выводы его считали произвольными, а самую теорію—настоящей химерой.

Въ то же время наблюдалась и другая крайность: нѣкоторые приняли теорію Ломброзо безъ всякихъ ограниченій и стали признавать гениальность прямо за помѣшательство.

Но это продолжалось недолго. Опытъ намъ показываетъ, что обыкновенно такъ бываетъ со всѣми новыми теоріями и оригинальными гипотезами. Вначалѣ онѣ вызываютъ сильную реакцію, подвергаются рѣзкой критикѣ и даже осмѣянію. Вскорѣ однако страсти улегаются, горячая полемика затихаетъ и наступаетъ періодъ спокойнаго, терпѣливаго, вполне научнаго обсужденія.

Такъ случилось и съ положеніями, высказанными Ломброзо. Строго научное изслѣдованіе и терпѣливое наблюденіе показали, что въ своей основѣ гипотеза Ломброзо содержитъ много вѣрныхъ идей и остроумныхъ сопоставленій, обнаруживающихъ въ авторѣ тонкую наблюдательность и оригинальность мысли. Дальнѣйшія многочисленныя изслѣдованія и наблюденія надъ геніальными людьми выяснили, что имѣется большое сходство между творческою дѣятельностью генія въ моментъ вдохновенія и болѣзненнымъ возбужденіемъ помѣшаннаго или безсознательнымъ состояніемъ страдающаго психической эпилепсіей. Въ исторіи, въ біографіяхъ великихъ людей, въ воспоминаніяхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, поэтовъ и художниковъ можно встрѣтить много фактовъ, подтверждающихъ это положеніе.

Интересно въ этомъ отношеніи замѣчаніе одного современнаго романиста, который пишетъ: „Мысли диктуетъ намъ какой-то фатумъ; существуетъ какая-то сверхъестественная сила, родъ потребности писать, управляющая нашимъ перомъ; такъ что иногда, когда мы кончаемъ писать книгу, то она уже кажется намъ не нашей, и мы удивляемся ей, какъ чему-то, что существовало въ насъ и чего мы не сознавали“ ¹⁾. Въ этомъ же родѣ Золя характеризуетъ литературную дѣятельность Бальзака: „Онъ работалъ,—говоритъ Золя,—подъ вліяніемъ импульса, который для насъ остается тайной; онъ былъ всегда жертвой какой-то причудливой силы: иногда онъ ни за какія сокровища въ мірѣ не могъ бы написать ни одной строчки, а другой разъ онъ вдругъ среди улицы или во время оргіи почувствуетъ словно прикосновеніе горящаго угля къ головѣ, къ рукамъ, къ языку; одно случайно произнесенное слово вызываетъ въ немъ цѣлый міръ мыслей, которыя родятся, бродятъ и созрѣваютъ—и вотъ художникъ дѣлается смиреннымъ орудіемъ въ рукахъ какой-то деспотической силы“ ²⁾.

¹⁾ С. Lombroso. Эпилепсія Наполеона.—Журналъ журналовъ. 1898, № 7.

²⁾ Ibid.

Съ интересующей насъ точки зрѣнія большой интересъ имѣютъ также произведенія нашего великаго писателя Ф. М. Достоевскаго, собраніе сочиненій котораго представляетъ собою почти полную психопатологію. Особенно удачно и вѣрно описаны у него эпилептики и эпилептическія состоянія. Относительно Достоевскаго слѣдуетъ сказать, что онъ былъ глубокой знатокъ главнымъ образомъ *больной* души человѣка. Несомнѣнно, что собственная болѣзнь этого выдающагося романиста, который страдалъ, какъ извѣстно, эпилепсіей, многое выяснила ему въ трудной для изученія области болѣзненныхъ проявленій души. Принимая во вниманіе глубокое знакомство Достоевскаго съ патологіей души, для нашей цѣли очень важно привести одно мѣсто, гдѣ онъ изображаетъ состояніе передъ эпилептическимъ припадкомъ; авторъ такъ описываетъ это состояніе: „... когда вдругъ, среди грусти, душевнаго мрака, давленія, мгновеніями какъ бы воспламенялся его мозгъ и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ жизненныя силы его. Ощущеніе жизни, самосознанія почти удесятерилось въ эти мгновенія, продолжавшіяся какъ молнія. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ; всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства какъ бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое-то высшее спокойствіе, полное ясной гармонической радости и надежды, полное разума и окончательной причины“ ¹⁾.

Если сравнить приведенный отрывокъ изъ Достоевскаго, въ которомъ изображается начальный періодъ эпилептическаго припадка, съ тѣмъ, какъ многіе авторы описываютъ моментъ геніальнаго экстаза или вдохновенія, то легко можно убѣдиться въ большомъ сходствѣ этихъ двухъ состояній. Вотъ, напр., что пишетъ о себѣ великій Бетховенъ: „Я дѣйствую согласно съ внутреннимъ закономъ, неизвѣстнымъ большинству, и я самъ не понимаю себя, когда моментъ экстаза происходитъ. Меня сравниваютъ съ Микель-Анджело; а какъ рабо-

¹⁾ Ф. М. Достоевскій. «Идіотъ». Романъ въ 4-хъ частяхъ. Изд. 3-е. Спб. 1882. Ч. II, стр. 225.

талъ творецъ „Моисея“? Въ гнѣвѣ, въ бѣшенствѣ онъ ударялъ молоткомъ по неподвижному камню и заставлялъ его служить выразителемъ живой мысли. Точно также сочиняю и я. Вдохновеніе—это для меня то таинственное состояніе, въ которомъ кажется, будто весь міръ превратился въ одну широкую гармонію, когда каждая мысль, каждое чувство звучать во мнѣ, когда всѣ силы природы превращаются для меня въ музыкальные инструменты, когда дрожь проходитъ по всему моему тѣлу, когда волосы дыбомъ встаютъ у меня на головѣ“¹⁾). Эти характерныя выраженія указываютъ на то, что когда геній проявляется въ высшей степени, т. е. въ моментъ своего творческаго вдохновенія, тогда вдохновенное лицо находится нѣкоторымъ образомъ въ состояніи безсознательности, напоминающемъ собою эпилептическое состояніе.

Защитники того мнѣнія, что вдохновеніе генія тождественно съ проявленіемъ эпилепсіи, особенно охотно для подтвержденія своей мысли ссылаются на личность Наполеона I. Дѣйствительно, этотъ великій человѣкъ представлялъ собою какъ бы образецъ того, что геніальныя способности могутъ одновременно сопровождаться рѣзкими признаками душевнаго расстройства съ эпилептическимъ характеромъ.

Наполеонъ происходилъ изъ невропатической семьи: отецъ его былъ алкоголикъ, сестры безнравственныя, одна изъ нихъ была даже натурщицей; онъ съ дѣтства обнаруживалъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ нервныхъ симптомовъ, страдалъ припадками эпилепсіи и отличался полнымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства. Что Наполеонъ былъ дѣйствительно черствый эгоистъ и жестокой властолюбецъ, тому доказательствомъ и свидѣтельствомъ служить вся его историческая дѣятельность, вся его жизнь, за что онъ и получилъ названіе „знаменитаго разбойника“. Въ трактатахъ о Наполеонѣ I можно найти много фактовъ, ясно указывающихъ на его несомнѣнно болѣзненный, эпилептическій характеръ и на его нравственное слабуміе. Рассказываютъ, что на замѣчаніе Меттерниха объ ужа-

¹⁾ Lombroso. L. c.

сахъ одной войны, которая стоила 200 тысячъ человѣческихъ жизней, Наполеонъ спокойно отвѣтилъ: „Что значить для меня 200 тысячъ человѣкъ!“ По другому поводу онъ высказался такъ: „Я не такой человѣкъ, какъ другіе, и законы морали и приличій созданы не для меня“. Упрекая однажды архіепископа за отказъ принести ложную клятву, какъ противную его совѣсти, Наполеонъ замѣтилъ: „Eh bien, monsieur, votre conscience n'est qu' une sotté“!

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ поступки и дѣйствія Наполеона отличались крайней импульсивностью, свойственной эпилептическому состоянію. Въ разговорѣ съ однимъ посломъ о перемиріи Наполеонъ, услышавъ противорѣчіе, въ раздраженіи разбилъ драгоценную вазу и сказалъ: „вотъ такъ разобью и вашу монархію“. На одного адмирала въ приступѣ гнѣва онъ поднималъ хлыстъ. Дико-вспыльчивый, злобно-раздражительный и нетерпѣливый, онъ не выносилъ даже малѣйшей неудачи или задержки въ чемъ бы то ни было: если ему не удавалось сразу надѣть платье, онъ бросалъ его въ огонь. Наряду съ этимъ онъ отличался большими странностями и болѣзненными причудами: у него, напр., была страсть къ сватовству и устройству браковъ, онъ былъ суевѣренъ и твердо вѣрилъ, что его судьбой руководитъ какой-то фатумъ. И въ то же время Наполеонъ обладалъ замѣчательной нервной энергіей; его фантазія не имѣла границъ и представляла что-то чудовищное, его гордымъ и грандіознымъ замысламъ и планамъ не было предѣловъ. Вообще жестокость этого нравственнаго безумца, его цинизмъ, чувственный эгоизмъ и бредъ величія страннымъ образомъ соединялись съ громаднымъ умомъ и непреклонной волей.

Попытаемся произвести психологическій анализъ вышеприведенныхъ фактовъ.

Можетъ ли нормальный или даже выдающійся умъ укладываться рядомъ съ нравственнымъ помѣшательствомъ?

Мы будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, придерживаясь психіатрической точки зрѣнія.

Мы представляемъ себѣ душевное здоровье, какъ гармоническое согласіе между разсудкомъ, чувствомъ и волей. Разъ этого согласія нѣтъ, разъ гармонія въ душевной сферѣ нарушена и одна сторона психической жизни является непомѣрно дѣятельной въ ущербъ другимъ, тогда мы имѣемъ право говорить о душевномъ разстройствѣ. Человѣкъ съ такой душевной ненормальностью не будетъ еще сумасшедшимъ въ общепринятомъ смыслѣ слова, но его также нельзя назвать и человѣкомъ душевно-здоровымъ. Это будетъ субъектъ неуравновѣшенный, съ неустойчивой психо-нервной организаціей, предрасположенный къ душевнымъ заболѣваніямъ. Если мы термину душевное разстройство будемъ придавать такой именно смыслъ, то многіе великіе люди, выдающіеся дѣятели и гении дѣйствительно могутъ быть названы душевно-разстроенными.

Намъ извѣстно изъ психологіи, что поступки человѣка обуславливаются главнымъ образомъ его чувствованіями. Слѣдовательно, сфера чувства въ нашей жизни играетъ первенствующую роль. Мы знаемъ, что высшія нравственныя чувствованія развиваются въ болѣе поздній періодъ нашей сознательной жизни. Съ другой стороны, психіатрія учитъ насъ, что эти же чувствованія при душевномъ разстройствѣ прежде всего подвергаются измѣненіямъ. Еще великій Эскироль замѣтилъ, что нравственное измѣненіе (а не бредъ) есть истинный признакъ душевнаго разстройства: „Бываютъ помѣшанные, у которыхъ трудно открыть какіе либо слѣды галлюцинацій, но нѣтъ ни одного, у котораго не были бы разстроены или извращены страсти, привязанности и весь нравственный характеръ вообще“. Такимъ образомъ, разстройство въ сферѣ чувства должно быть положено въ основу всѣхъ душевныхъ заболѣваній. Вотъ почему мы не можемъ считать вполне нормальными субъектами тѣхъ, которые обнаруживаютъ тѣ или другія уклоненія въ сферѣ чувства, у кого бушующія страсти подчиняютъ и порабащаютъ разсудокъ и волю. У такихъ субъектовъ разсудокъ уже не можетъ кон-

тролировать ихъ болѣзненныхъ побужденій, не можетъ сдерживать ихъ страстей.

Наука давно уже выяснила, что крупныя недостатки и дефекты въ сферѣ нравственнаго чувства особенно часто наблюдаются у лицъ вырождающихся, у наслѣдственниковъ, дегенерантовъ. Весьма старательно и подробно изучилъ такихъ субъектовъ Legrand du Saulle ¹⁾ и далъ намъ весьма обстоятельную ихъ характеристику. Наслѣдственники—это инстинктивные личности, которыя безъ всякой цѣли, часто безъ всякихъ мотивовъ совершаютъ самыя странныя поступки, самыя сумасбродныя дѣйствія. По своему характеру, дегенеранты по преимуществу—безнравственные эгоисты. „Болтливые, тщеславные и деспотичные, они любятъ занимать своей личностью общественное вниманіе и повсюду ищутъ средствъ привлечь его. Неспособные къ возвышеннымъ чувствамъ, они не знаютъ ни преданности, ни любви къ ближнимъ, ни патриотизма, ни чести. Вся нравственность резюмируется для нихъ въ ихъ интересѣ данной минуты; честность имъ неизвѣстна; лицемеріе и ложь имъ кажутся совершенно естественными, когда они могутъ извлечь изъ нихъ пользу“. Далѣе, продолжая характеристику наслѣдственниковъ, L. du S. особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что они часто обладаютъ очень развитыми умственными способностями и нерѣдко занимаютъ въ обществѣ очень высокія положенія, съ полной ясностью выполняя обязанности своей профессіи, при чемъ ихъ болѣзненный темпераментъ проявляется лишь странностями характера, многими эксцентричностями и причудами. „Ихъ умственныя способности очень часто весьма дѣятельны; они быстро схватываютъ, обладаютъ извѣстной долей воображенія и говорятъ съ легкостью, даже съ изяществомъ. Прибавьте къ этому инстинктивные способности къ музыкѣ, поэзіи и проч.—и вы тогда поймете, какимъ образомъ эти личности почти всегда извѣстны въ обществѣ. Иногда на нихъ смотреть, какъ на оригина-

¹⁾ La folie héréditaire.

ловъ, но ихъ никогда не принимаютъ за то, что они есть на самомъ дѣлѣ“.

Наблюденія показываютъ намъ, что человѣчество много обязано творческими идеями и проявленіями таланта или даже генія такимъ личностямъ, которыя происходили изъ семействъ, гдѣ наблюдалось предрасположеніе къ помѣшательству, и которыя сами носили на себѣ ясную печать психической дегенераци. „Такія личности,—говоритъ Mandsley ¹⁾,—способны открывать и изслѣдовать окольные пути мысли, незамѣченные болѣе устойчивыми умами, и, бросая такимъ образомъ боковое освѣщеніе на предметы, выяснять отношенія, которыя никому не приходили въ голову. Люди эти способны разсматривать вещи съ новой точки зрѣнія, они не слѣдуютъ обычной торной дорогой въ своихъ поступкахъ или обычной рутинѣ мыслей и чувствъ, но обнаруживаютъ въ своихъ взглядахъ оригинальность или даже странность иногда въ очень ранній періодъ жизни“.... „Способность выходить изъ обыкновенной колеи мысли, вырваться съ помощью свѣтлаго вдохновенія изъ оковъ привычки, давать начало новому направленію мысли—свойственно душевно-болѣзненнымъ темпераментамъ и нерѣдко вырождается въ бредъ помѣшаннаго. Они сбываютъ новыя мысли, которыя постигаются и приводятся въ порядокъ другими“.

Нужно къ этому прибавить, что такія неуравновѣшенныя, дурно-приспособленныя, регрессирующія, такъ сказать, личности очень нерѣдко отличаются замѣчательнымъ эстетическимъ чувствомъ, рѣдкими талантами и артистическими способностями, поразительными дарованіями въ поэзіи и искусствѣ, блестящей памятью, удивительной легкостью въ операціяхъ съ числами и проч. Очень важную и выгодную особенность такихъ субъектовъ составляетъ сила ихъ чувства, энергія характера: они настойчивы въ достиженіи своихъ цѣлей, фанатичны въ осуществленіи своихъ докт-

¹⁾ Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ.—Перев. съ англ. Спб. 1875.

ринь, неустрашими въ защитѣ своихъ убѣжденій. Психологически это объясняется тѣмъ, что всякая фиксированная, напряженная идея, каждая сильная, безумная страсть непременно должны разрѣшиться въ дѣйствіи: сознательная воля въ такихъ случаяхъ оказывается безсильной. А едва ли съ достаточнымъ основаніемъ можно опровергать то положеніе, что всѣ сильныя, неудержимыя страсти слѣдуетъ считать болѣзненными проявленіями душевной жизни.

Психологическій анализъ выдающихся историческихъ дѣятелей показываетъ намъ, что многія великія реформы въ области мысли, религіи, политики и государственнаго строя произведены лицами, которыхъ если и нельзя назвать помѣшанными, то во всякомъ случаѣ ихъ нельзя поставить и въ ряды нормальныхъ, психически-уравновѣшенныхъ, душевно-здоровыхъ людей. Въ этомъ отношеніи достаточно упомянуть такихъ историческихъ лицъ, какъ Магометъ, Игнатій Лойола, Жанна д'Аркъ, Савонарола. Эти личности въ своихъ дѣяніяхъ не пользовались спокойной и логической работой мысли: они дѣйствовали подъ вліяніемъ импульса, руководились инстинктивными побужденіями. А такая импульсивность въ дѣйствіяхъ, такія вспышки вдохновеннаго ума обыкновенно свойственны помѣшаннымъ, которые часто находятся въ возвышенномъ, экзальтированномъ состояніи духа, напоминающемъ собою родъ вдохновенія. Отсюда и сложилось суевѣрное понятіе, что помѣшанные вдохновлены свыше; въ силу той же аналогіи между вдохновеніемъ, энтузіазмомъ и маниакальнымъ возбужденіемъ греки называли однимъ именемъ „манія“—и сумасшествіе, и поэтическое вдохновеніе, и пророческій экстазъ.

Мы знаемъ, что продолжительное и глубокое сосредоточеніе мысли на одномъ предметѣ вызываетъ состояніе экзальтаціи, которое въ свою очередь при благоприятныхъ условіяхъ можетъ переходить въ другое, уже спорно патологическое состояніе, называемое экстазомъ. „Экстазъ,—по вѣрному и весьма точному опредѣленію, данному нашимъ талантливымъ, но безвременно погибшимъ психіатромъ, д-ромъ Кандин-

скимъ ¹⁾),—есть болѣзненная дѣятельность высшихъ мозговыхъ центровъ, при которой вся душевная жизнь такъ всецѣло сосредоточена на одной идеѣ или на одномъ чувствѣ, что въ это время окружающій реальный мiръ перестаетъ существовать для больного. При этомъ внѣшнія впечатлѣнія или вовсе не доходятъ до сознанія или доходятъ только урывками; вся жизнь какъ бы сосредоточена въ ненормально напряженной дѣятельности извѣстныхъ мозговыхъ центровъ“. Съ явленіями экстаза мы часто встрѣчаемся въ области мистицизма. Въ самомъ дѣлѣ: къ этой категоріи явленій мы должны отнести пифію, возсѣдающую на треножникѣ и пророчествующую; то же представляютъ собою бѣснующійся сибирскій шаманъ, индусскій факиръ, созерцающій Нирвану, спиритическій медиумъ въ состояніи транса и проч. ²⁾ Такія же, въ психологическомъ смыслѣ, состоянія наблюдаются нерѣдко при соответствующихъ условіяхъ съ философами, поэтами, артистами. Извѣстно, что Сакратъ подвергался галлюцинаціямъ и по временамъ впадалъ въ экстазъ; Моцартъ лучшія свои произведенія создалъ въ полубезсознательномъ состояніи, близкомъ къ экстазу.

Вдохновеніе генія, эта, по замѣчанію Ломброзо, священная варіація священнаго недуга, имѣетъ много общаго съ состояніемъ экстаза. Вообще нужно замѣтить, что наиболѣе выдающаяся черта геніальности—это бессознательное творчество; одно изъ главныхъ свойствъ генія—это непреодолимая импульсивность дѣйствія. Этимъ только и можно объяснить, что нѣкоторыя геніальныя произведенія Канта и Вольтера могли возникнуть во время сна, какъ это утверждаютъ историки. Этимъ отчасти можно объяснить и то обстоятельство, что иногда у геніевъ наблюдается двойственность личности: во время творчества они представляются совсѣмъ иными, нежели внѣ его, и часто потомъ сами не узнаютъ своихъ произведеній, считая ихъ за что-то чуждое ихъ сознанію.

¹⁾ В. Кандинскій. Общепонятные психологическіе этюды.—Москва, 1895.

²⁾ Ibid.

Теперь намъ предстоитъ заняться разсмотрѣніемъ слѣдующаго вопроса: если мы встрѣчаемъ у гениевъ и великихъ людей многочисленныя черты психической неуравновѣшенности, если наблюдаемъ у нихъ крупныя недочеты въ сферѣ чувства и воли, если открываемъ у нихъ нѣкоторые признаки дегенерации, то позволительно-ли при всемъ томъ отождествлять гениальность съ помѣшательствомъ и считать гений за извѣстную форму психоза, какъ это дѣлаетъ Ломброзо. Правы-ли тѣ авторы ¹⁾, которые заявляютъ, что „душевные настроенія, заставляющія человѣка отличаться отъ прочихъ людей оригинальностью своихъ взглядовъ и замысловъ, эксцентричностью или энергіею чувствъ, необыкновеннымъ превосходствомъ умственныхъ дарованій и т. п., ведутъ свой источникъ изъ тѣхъ же самыхъ органическихъ условій, какъ и разныя нравственныя разстройства, находящія свое наиболѣе совершенное выраженіе въ помѣшательствѣ и безуміи“.

Мнѣ думается, что противъ такого вывода можно много возражать, съ такимъ мнѣніемъ можно сильно не соглашаться. Въ самомъ дѣлѣ: говорить, что душевный складъ гениальныхъ людей тождественъ съ душевнымъ складомъ помѣшанныхъ и слабоумныхъ, это значитъ утверждать, что мощь и безсиліе, здоровье и болѣзнь, сила и слабость представляютъ собою одно и то же. Такое мнѣніе содержитъ въ себѣ очевидное противорѣчіе и объясняется, надо полагать, сильнымъ увлеченіемъ предвзятой мыслью со стороны защищающихъ его авторовъ. Дѣло въ томъ, что при рѣшеніи вопроса о происхожденіи, развитіи и сущности гения необходимо принимать во вниманіе крайне сложныя условія наслѣдственности, нужно помнить, что наслѣдственность подвержена многообразнымъ метаморфозамъ. Несомнѣнно, что путемъ наслѣдственности отъ предковъ къ потомкамъ передаются какъ положительныя, такъ и

¹⁾ Moreau de Tours. La psychologie morbide dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire, ou de l'influence des nevropathies sur le dynamisme intellectuel.

отрицательныя качества и свойства ихъ физической и психической организаціи. Было бы совершенно произвольнымъ предполагать, что великіе люди, унаслѣдуя отъ своихъ предковъ, благодаря трудно-уловимымъ и непонятнымъ для насъ законамъ наслѣдственности, таинственный и чудный даръ генія, въ то же время совѣмъ не воспринимаютъ отъ нихъ нѣкоторыхъ слабыхъ чертъ и недостатковъ ихъ организаціи. Напротивъ, ежедневный опытъ показываетъ намъ, что на ряду съ лучшими, наиболѣе совершенными качествами и особенностями потомки получаютъ отъ своихъ родичей иногда въ той же мѣрѣ и худшія, отрицательныя свойства ихъ организаціи. Этотъ біологическій законъ одинаково приложимъ не только къ животному, но также и къ растительному царству.

То же самое мы наблюдаемъ и по отношенію къ великимъ людямъ. Дѣйствительно, очень часто мы видимъ, что геніальныя натуры, такъ сказать, обезображиваются цѣлымъ рядомъ недостатковъ и слабостей, унаслѣдованныхъ ими отъ того или другого изъ родителей. Такъ, извѣстно, что Генрихъ IV представлялъ собою замѣчательное соединеніе всевозможныхъ контрастовъ. Проф. Жоли ¹⁾ замѣчаетъ, что „рядомъ съ серьезностью, возвышавшейся иной разъ до торжественности и чисто царскаго величія, біографы то и дѣло указываютъ у него на черты преступнаго легкомыслія и крайне низменныхъ вкусовъ. Всѣ историки согласно свидѣтельствуютъ о немъ, что онъ представлялъ необыкновенную смѣсь здороваго, крѣпкаго мужества и уродливыхъ слабостей, вѣрности и неблагодарности, истиннаго великодушія и коварства, или даже ума, героизма и просто смѣшныхъ выходокъ“. То же самое можно сказать относительно Наполеона I, Фридриха Великаго и др. Изъ біографіи Гёте видно, что онъ отличался большими странностями. О Шопенгауэрѣ Ломброзо рассказываетъ, что по своему характеру онъ былъ олицетвореніе про-

¹⁾ Психологія великихъ людей.—Пер. съ франц. СПб. 1890.

творѣчій: проповѣдуя воздержаніе, онъ самъ злоупотреблялъ наслажденіями; много выстрадавъ самъ, онъ тѣмъ не менѣе не задумался безъ всякаго повода оскорбить Молещотта и Бюхнера и радовался, когда имъ правительство запретило читать лекціи. Чувства привязанности и уваженія ему были совершенно чужды: онъ жестоко насмѣялся надъ матерью, обвинивъ ее въ невѣрности къ памяти мужа, между тѣмъ какъ самъ защищалъ многоженство, находя въ этомъ лишь одно неудобство—имѣть нѣсколькихъ тещъ. У Жанъ-Жака Руссо страсти отличались непомерной пылкостью; въ то же время онъ проявлялъ рѣзкія черты непостоянства, неуравновѣшенности, неустойчивости; онъ перепробовалъ почти всѣ професіи: часовщика, фокусника, учителя музыки, живописца, гравера и лакея; и въ литературѣ, и въ жизни онъ брался за всѣ отрасли, занимаясь то медициной, то теоріей музыки, то ботаникой, теологіей и педагогіей. И все-таки, несмотря на всѣ странности характера, Ж.-Ж. Руссо силою своего таланта создалъ изящныя и выдающіяся по своему содержанію произведенія литературы.

Пусть геніальные люди имѣютъ свои слабости, пороки и болѣзненные недостатки,—это не мѣшаетъ имъ однако совершать великія дѣла, обогащать сокровищницу человѣческихъ знаній, вносить въ нашу жизнь свѣтлые лучи истины, красоты и правды. Извѣстное изреченіе Лярошфуко, что „только великіе люди могутъ имѣть великіе недостатки“, должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что даже и геніальныя натуры иногда не бываютъ свободны отъ страстей и крупныхъ недостатковъ, а вовсе не указывать на то, что всякія странности и эксцентричности должны составлять какъ бы необходимыя элементы генія и являться неизбѣжными условіями его величія и могучей оригинальности. Въ этомъ отношеніи глубоко продуманнымъ и вѣрнымъ слѣдуетъ признать другое замѣчаніе того-же автора, что „великія души отличаются отъ обыкновенныхъ не тѣмъ, что у нихъ меньше страстей и больше добродѣтелей, а только тѣмъ, что онѣ носятъ въ себѣ великіе

замыслы“. Еще Аристотель сказалъ: *Nullum magnum ingenium sine mixtura dementiae*. То же самое подтвердилъ Molière устами одного изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ: „Замѣчательная вещь, что у всѣхъ великихъ людей къ ихъ великимъ знаніямъ примѣшивается немного сумасшествія“. Съ этой точки зрѣнія и Лессингъ имѣлъ, пожалуй, нѣкоторое основаніе сказать: „кто меня называетъ гениемъ, тому я охотно далъ бы пощечину“.

Всѣ выше изложенные факты я привелъ здѣсь съ тою цѣлью, чтобы показать, что гениальныя природы очень нерѣдко представляютъ собою людей психически-неуравновѣшенныхъ, измѣнчивыхъ въ своихъ чувствахъ, импульсивныхъ въ своихъ поступкахъ, но что гений тѣмъ не менѣе не такъ близокъ къ безумію, какъ это допускаютъ нѣкоторые авторы. Мы можемъ согласиться только съ тѣмъ, что гениальность есть своего рода ненормальность, уклоненіе, сложное и непонятное для насъ видоизмѣненіе особенно тонкой психо-нервной организаціи. Съ біологической точки зрѣнія гениальные люди и сумасшедшіе дѣйствительно представляютъ собою ненормальную группу, но при всемъ томъ отождествлять гений съ психозомъ мы не имѣемъ достаточно серьезныхъ и вполне научныхъ основаній.

Однако здѣсь же уместно отмѣтить то обстоятельство, что гениальный человѣкъ скорѣе можетъ подвергнуться душевному заболѣванію, чѣмъ обыкновенный смертный. И дѣйствительно, намъ извѣстно, что многіе гениальные люди кончали свою жизнь сумасшествіемъ. Этотъ фактъ, мнѣ кажется, имѣетъ простое фізіологическое объясненіе. Медицина учитъ насъ, что тотъ органъ представляется наиболѣе ранимымъ, который больше всего работаетъ. Несомнѣнно, что сложная и въ то же время тонкая психо-нервная организація, которою обладаютъ гениальныя природы и которая служитъ орудіемъ для выполненія ихъ великихъ замысловъ, не можетъ безнаказанно выдерживать той громадной траты нервной энергіи, того чрезмѣрнаго расходованія душевныхъ силъ, какія необходимы для поддержанія величія гения въ его неустанной дѣятельности.

Неудивительно поэтому, что между гениальными людьми мы такъ часто встрѣчаемъ случаи помѣшательства: гений религіозности, гений науки и искусства, гений политики и военный гений—все они въ одинаковой степени не застрахованы отъ возможности такого печальнаго исхода. Каждая эпоха имѣла своего рода гениевъ и въ каждой эпохѣ мы наблюдаемъ случаи душевнаго разстройства между великими людьми. Примѣровъ этому можно представить очень много. Извѣстно, что Кромвель, этотъ глава и вождь кровавой революціи, былъ ипохондрикъ; Ришелье страдалъ душевной болѣзнью; Игнатій Лойола въ періодъ своей кипучей дѣятельности проявлялъ признаки душевнаго разстройства: онъ имѣлъ галлюцинаціи и его постоянно преслѣдовала мысль о самоубійствѣ. Огюсть Контъ продолжительное время страдалъ душевной болѣзнью и лечился у извѣстнаго Эскироля; въ періодъ полнаго здоровья онъ создалъ новую философскую систему—позитивизмъ и былъ самымъ выдающимся мыслителемъ того времени; однако въ сочиненіяхъ этого философа, по замѣчанію критиковъ, рядомъ съ глубокими положеніями встрѣчаются чисто безумныя мысли; объясненіе этого факта весьма естественно искать въ той психической ненормальности, которой онъ временно подвергался.

Особенно часто наблюдаются душевныя болѣзни среди музыкантовъ: Моцартъ былъ психопатъ, Бетховенъ—меланхоликъ, Доницетти погибъ отъ прогрессивнаго паралича помѣшанныхъ, Шуманъ и Шопэнъ умерли сумасшедшими.

Много примѣровъ помѣшательства мы можемъ указать и среди ученыхъ, поэтовъ, писателей. Ньютонъ кончилъ свою жизнь сумасшествіемъ, страдая меланхоліей съ оцѣпенѣніемъ; Линней имѣлъ водянку мозга и умеръ слабоумнымъ; Торквато Тассо былъ сумасшедшимъ; Жоржъ Зандъ въ 17 лѣтъ перенесла меланхолію и долго испытывала влеченіе къ самоубійству; Жанъ-Жакъ Руссо былъ подъ конецъ жизни душевноненормальнымъ: объ этомъ свидѣлствуютъ его послѣднія произведенія и въ особенности его „Исповѣдь“. „Кто,—говорить Ломброзо,—не бывши ни разу въ больницѣ для душевно-

больныхъ, пожелалъ бы составить себѣ вѣрное представление о душевныхъ мукахъ, испытываемыхъ мономаніакомъ, тому слѣдуетъ только прочесть послѣднія произведенія Руссо“.

Существуетъ мнѣніе, что выдающіеся мыслители, великіе писатели и художники нерѣдко изучаютъ свои собственные страсти и недостатки, чтобы затѣмъ рельефнѣе ихъ изобразить, ярче представить въ своихъ произведеніяхъ. Это очень правдоподобно. Въ этомъ отношеніи весьма интереснымъ представляется тотъ фактъ, что вообще большинству выдающихся писателей наиболѣе удаются изображенія отрицательныхъ типовъ, описанія темныхъ сторонъ общественной жизни: въ этой области они являются настоящими художниками-творцами.

Съ нашей точки зрѣнія подобные факты заслуживаютъ особеннаго вниманія, и объясненіе ихъ слѣдуетъ искать скорѣе всего въ особенностяхъ душевной организаціи самихъ авторовъ. Альфонсъ Доде и Золя въ своихъ произведеніяхъ довели анализъ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ характеровъ до совершенства. У Балзака мы встрѣчаемъ очень часто изображеніе фанатиковъ, мистиковъ и нерѣдко прямо уродливыхъ личностей, заимствованныхъ какъ бы изъ области патологии и криминалистики. Русская литература, въ особенности новѣйшаго времени, не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Въ доказательство можно сослаться на произведенія Достоевскаго, Гоголя, гр. Л. Н. Толстого и современныхъ намъ белетристовъ, которые по преимуществу заняты изображеніемъ неудачниковъ, личностей дурно приспособленныхъ или даже больныхъ психически.

Не указываютъ-ли эти факты на то, что въ произведеніяхъ нашихъ писателей рѣзко отражается ихъ собственное душевное настроеніе, проявляются ихъ личныя психическія особенности. Самъ графъ Л. Толстой ¹⁾ въ одномъ мѣстѣ такъ говоритъ о себѣ: „Снаружи все какъ будто гладко выходило,

¹⁾ Д-ръ В. Португаловъ. Повальные чудачества. СПб. 1889.

но въ душѣ я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ. Я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически, бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ—дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животной жизнью... Жизнь нашего круга не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ... Люди мнѣ опротивѣли и самъ я себя опротивѣлъ“. Этотъ пессимизмъ графа Л. Н. Толстого напоминаетъ намъ тѣ душевныя страданія, тѣ нравственныя муки, которыя были испытаны Гоголемъ и Ж.-Ж. Руссо подъ конецъ ихъ литературной дѣятельности.

Въ общемъ мы должны согласиться съ тѣмъ, что источниками новѣйшей поэзіи по большей части служатъ болѣзненные состоянія и что „меланхолическая есть кормилица новѣйшей литературы“, такъ что „для правильной критики нашихъ молодыхъ поэтовъ,—какъ удачно выразился Шиллингъ,—потребны врачи, а не рецензенты“¹⁾.

Если новѣйшая литература и современное искусство характеризуются такими своеобразными особенностями, если они носятъ на себѣ печать больного направленія, то отсюда логично будетъ сдѣлать заключеніе, что слѣдовательно сама жизнь даетъ соответствующій матеріалъ, которымъ и пользуются поэты, писатели и художники.

Дѣйствительно, въ современномъ социальномъ строѣ нашей общественной жизни можно отмѣтить много чертъ несомнѣнно патологическаго свойства. По этому поводу я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько строкъ изъ блестящей характеристики, данной Реньяромъ²⁾ переживаемому нами времени. „Въ примѣненіи къ нашей жизни,—говоритъ онъ,—получилъ право гражданства эпитетъ „лихорадочность“; достигать успѣха, господствовать, быстро дѣлать

¹⁾ Д-ръ Шиллингъ. Преступленіе и душевное разстройство передъ судомъ. Пер. съ нѣм. 1884.

²⁾ Умственные эпидеміи. Историко-психіатрическіе очерки. Пер. съ франц.

карьеру—вотъ цѣль большинства людей послѣдней формаціи. Въ наши дни соціальный строй позволяетъ всѣмъ предъявлять къ жизни самыя безграницныя требованія. Небывалая удача нѣкоторыхъ ловкихъ людей, начавшихъ свою карьеру съ низшихъ ступеней общественной лѣстницы, внезапное и часто непонятное возвышеніе ничтожныхъ людей безъ положенія, возможность сразу достигнуть самыхъ высокихъ почестей и должностей,—все это способно вскружить голову современнаго человѣка.... Наше общество увлечено духомъ тщеславія. Развѣ нѣтъ ничего болѣзненнаго въ желаніи обращать на себя вниманіе помимо всякихъ личныхъ достоинствъ?.. Одинъ удовлетворяетъ своему тщеславію, платя очень дорого за предметы, не стоящіе этой цѣны; другой приноситъ большія жертвы, чтобы имѣть возможность вращаться въ высшемъ обществѣ, третій блещетъ своими лошадьми и экипажами, четвертый гонится за модой во всѣхъ ея проявленіяхъ“.

Нельзя не согласиться, что характеристика переживаемаго нами болѣзненнаго общественнаго настроенія и господствующаго нездороваго соціальнаго духа конца нашего столѣтія сдѣланы Ренъаромъ и мѣтко, и вѣрно. Современный человѣкъ и безъ того обреченъ наследовать отъ своихъ родичей слабую психо-нервную организацію, и безъ того онъ является на свѣтъ дурно приспособленнымъ, предрасположеннымъ къ душевнымъ заболѣваніямъ или даже носящимъ на себѣ несомнѣнные признаки психическаго вырожденія. Встрѣчаясь съ первыхъ же шаговъ своей жизни съ неблагопріятными внѣшними условіями, такой субъектъ не въ силахъ бороться и противостоять имъ и падаетъ жертвой своей душевной немощи. Вотъ почему въ настоящее время мы такъ часто встрѣчаемся съ самоубійствами, съ преступленіями противъ собственности и съ разнаго рода правонарушеніями.

Да это и понятно. Разъ въ обществѣ одновременно наблюдается значительное скопленіе нервно-болѣзненныхъ темпераментовъ, то это обстоятельство очень скоро должно измѣнить весь строй общественной жизни даннаго поколѣнія и въ

то же время не может не повліять на увеличеніе преступности. Общая нервозность и психическое оскудѣніе несомнѣнно лежатъ въ основѣ многихъ патологическихъ явленій современной жизни и обусловливаютъ собою столь широкое распространеніе въ обществѣ пессимизма и „міровой скорби“. Совершенно правъ Монтегацца, заявляя, что „въ физическомъ отношеніи 19 вѣкъ—вѣкъ нервный, въ моральномъ—лицемѣрный, въ интеллектуальномъ—скептической“. Поэтому мы не должны особенно удивляться тому, что въ современномъ обществѣ наблюдается постепенное увеличеніе самоубійствъ, что такъ сильно развивается пьянство и проституція со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями, что такъ часты различныя преступления противъ нравственности. При существующихъ условіяхъ эти явленія нужно признавать естественными, законными, какъ слѣдствія извѣстныхъ причинъ. Спокойная, здоровая, разумная и честная жизнь для современнаго человѣка является необычной, чуждой: мы теперь стали жить слишкомъ ненормально, слишкомъ неровно и возбужденно—и въ этомъ лихорадочномъ существованіи губимъ себя и свое потомство.

При этомъ случаѣ я особенно хотѣлъ бы подчеркнуть то обстоятельство, что въ настоящее время мы не должны смотреть на преступленіе, какъ на нѣчто неизбѣжное, роковое или же какъ на проявленіе „злой воли“ человѣка, какъ говорятъ старые юристы. Преступленіе, какъ общественное зло, имѣетъ свои причины, которыя прежде всего кроются въ личности самого преступника, въ особенностяхъ его организаціи и затѣмъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя его окружаютъ. Задача науки открыть эти причины, изучить эти условія. Въ этомъ отношеніи новое направленіе въ наукѣ уголовного права обѣщаетъ дать самые плодотворные результаты. Новая школа антропологовъ-позитивистовъ видитъ въ преступленіи „результатъ взаимодѣйствія особенностей сложившейся психо-физической организаціи или натуры преступника, лежащей въ основѣ его характера, и особенностей внѣшнихъ воздѣйствій. Антропологическая школа рассматриваетъ преступника, какъ несчастную, порочную, неуравновѣшенную,

оскудѣлую, недостаточную и неприспособленную организацію, которая въ силу этого не можетъ при данныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ бороться за свое существованіе въ установленныхъ легальныхъ формахъ“¹⁾).

Установивши такую точку зрѣнія, криминальная антропология встала на твердую почву и избрала вѣрный путь для своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Только всестороннее изученіе „преступнаго человѣка“ съ помощью естественно-научныхъ методовъ изслѣдованія дастъ возможность выяснить то многое, что съ психологической точки зрѣнія представляется темнымъ и загадочнымъ и что становится яснымъ и понятнымъ съ точки зрѣнія биологической. Только путемъ такихъ изслѣдованій удастся вполне оцѣнить всю важность и значеніе тѣхъ факторовъ преступности, которые относятся къ личности самого преступника, какъ субъекта, отмѣченнаго печатью тяжелой наследственности и обладающаго такими признаками умственного, нравственнаго и физическаго вырожденія, причудливое сочетаніе которыхъ создаетъ столь разнообразныя психо-физическія типы—отъ жалкаго ідіота до великаго генія, отъ невинной эксцентричности до тяжелаго сумасшествія, отъ святой добродѣтели до жестокаго преступленія.

Я не буду сейчасъ останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ часто самыя звѣрскія преступленія совершаются подъ вліяніемъ бредовыхъ идей и галлюцинацій помѣшанныхъ. Я хочу только обратить здѣсь вниманіе на то, что существуютъ такія личности, которыхъ, строго говоря, нельзя считать сумасшедшими, которыя не бредаютъ и не галлюцинируютъ, сознаніе которыхъ ясно, сужденія послѣдовательны и логичны, но поступки которыхъ совершенно не отвѣчаютъ ихъ видимому психическому здоровью, рѣзко расходятся съ ихъ взглядами и убѣжденіями и носятъ очень часто преступный характеръ. Такіе субъекты совершаютъ преступленія подъ вліяніемъ насильственныхъ влеченій или вслѣдствіе притупленія, а подчасъ даже полного отсутствія у нихъ нравственныхъ чувствъ.

¹⁾ Д. Дриль. Психо-физическія типы. Москва, 1890.

Поясню свою мысль нѣсколькими примѣрами, заимствованными изъ психіатрическихъ наблюденій, хорошо прослѣженныхъ и точно установленныхъ. Маудсли ¹⁾ рассказываетъ объ одной горничной, жившей въ домѣ барона Гумбольдта, у которой при видѣ бѣлаго тѣла раздѣтаго ребенка являлась неотвязная мысль, страстное желаніе, неодолимое влеченіе зарѣзать его. Она страшилась этой мысли, чувствовала всю силу этой навязчивой идеи и, боясь, что когда нибудь не совладаетъ съ собою, просила отказать ей отъ мѣста. Другой примѣръ. Одного извѣстнаго химика и поэта упорно преслѣдовала мысль объ убійствѣ; подѣ влияніемъ этого непреодолимаго влеченія къ страшному злодѣянію, измученный въ борьбѣ съ неотвязной мыслью, онъ часто, сознавая свое безсиліе, бросался къ подножью алтаря и на колѣняхъ молилъ Бога спасти его отъ страшнаго искушенія, которое онъ не могъ себѣ ничѣмъ объяснить. Обыкновенно, когда онъ чувствовалъ наступленіе такого припадка, онъ требовалъ, чтобы ему связывали руки. Еще примѣръ. Проф. Чижъ ²⁾ описываетъ одного студента-медика, рано начавшаго злоупотреблять спиртными напитками, который всегда испытывалъ сильное наслажденіе при видѣ огня и пожара; подѣ влияніемъ безумнаго влеченія онъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ сдѣлалъ до десяти поджоговъ.

Психіатрамъ приходится часто встрѣчаться съ такими патологическими явленіями. Подобные случаи представляютъ большой интересъ съ психологической точки зрѣнія и заслуживаютъ особеннаго вниманія въ практическомъ отношеніи. Несомнѣнно, что такихъ лицъ нельзя назвать сумасшедшими въ общепринятомъ смыслѣ слова, но они не могутъ быть также поставлены и въ ряды здоровыхъ людей. Это обыкновенно субъекты предрасположенные къ душевнымъ заболѣваніямъ, отмѣченные печатью тяжелой наслѣдственности, дегенеранты, люди съ разстроеннымъ душевнымъ динамизмомъ.

¹⁾ Maudsley. L. c.

²⁾ Вѣстн. суд. мед. 1887.

Болѣзненные влеченія у такихъ лицъ органически связаны съ ихъ нестойкой психо-нервной организаціей, съ ихъ психопатической конституціей. Поступки, совершаемые подъ вліяніемъ такихъ неуправляемыхъ влеченій, носятъ произвольный характеръ и извѣстны подъ именемъ импульсивныхъ.

Психіатрамъ давно извѣстны различные виды подобныхъ насильственныхъ представленій, какъ-то: влеченіе къ убійству и самоубійству, къ поджогамъ, къ кражамъ, къ алкогольному злоупотребленію, къ безнравственнымъ дѣйствіямъ. Очень часто эти болѣзненные побужденія влекутъ за собою ужасныя послѣдствія, страшныя преступленія, которыя однако не могутъ быть вмѣнены въ вину совершившимъ ихъ, такъ какъ они обусловлены несомнѣнно болѣзненнымъ состояніемъ. Какъ бываютъ произвольныя мышечныя сокращенія при болѣзненномъ состояніи двигательныхъ мозговыхъ центровъ, (напр. пляска св. Витта, которую старые авторы называли мышечнымъ помѣшательствомъ), такимъ же образомъ слѣдуетъ допустить разстроенное состояніе высшихъ психическихъ центровъ, которое вызываетъ неправильное теченіе представленій, какъ бы „судорожную умственную дѣятельность“, выражающуюся въ импульсивныхъ побужденіяхъ, въ насильственныхъ влеченіяхъ.

Подобные случаи указываютъ на то, что „между преступленіемъ и помѣшательствомъ,—какъ выражается Маудсли,—лежитъ пограничная область, въ которой мы съ одной стороны находимъ небольшую долю помѣшательства рядомъ съ значительнымъ процентомъ преступления, а съ другой — небольшую примѣсь преступления къ значительной мѣрѣ помѣшательства“. Такие случаи совершенно оправдываютъ то положеніе, что преступленіе, совершаемое отягченными наслѣдственностью субъектами, „есть родъ выхода для болѣзненныхъ стремленій; если бы они не были преступниками, они бы сошли съ ума, и если они не сходятъ съ ума, то только потому, что становятся преступниками“¹⁾.

¹⁾ Маудсли. Л. с.

Большое значеніе въ судебно-медицинскомъ отношеніи имѣютъ также тѣ преступленія, которыя совершаются подъ вліяніемъ патологическаго аффекта, въ припадкѣ умоизступленія. Юристы долго не признавали того факта, какимъ образомъ у людей, обыкновенно не обнаруживающихъ никакихъ ясныхъ признаковъ душевнаго расстройства, по временамъ могутъ наступать такія состоянія полнаго, но скоро преходящаго безпамятства, когда они совершенно неспособны отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ, не понимаютъ совершаемаго и потому не должны отвѣчать передъ судомъ за свои преступныя дѣйствія. Хотя психіатрическія наблюденія вполне установили эту возможность и указали на тѣ условія, при которыхъ могутъ наступать подобныя состоянія у субъектовъ предрасположенныхъ и у дегенерантовъ, тѣмъ не менѣе и по настоящее время еще въ судебной практикѣ можно встрѣтить не мало случаевъ осужденія такихъ лицъ, которыя по всей справедливости подлежатъ вѣдѣнію медицины, а не вѣдѣнію суда. Какъ примѣръ, я могу привести очень правдивый рассказъ арестанта о своемъ преступленіи, записанный нашимъ даровитымъ сатирикомъ Щедринымъ-Салтыковымъ ¹⁾ и помѣщенный въ его „Губернскихъ очеркахъ“. Рассказываетъ арестантъ, убившій изъ ревности предметъ своей страсти и уже кончающій срокъ своего наказанія. Вотъ его безхитростный рассказъ: „...Дразнила она меня такимъ манеромъ долго, и все я себя перемогалъ; однако Богъ попуталъ. Узналъ я какъ-то, что Параня въ лѣсъ по грибы идетъ. Пошелъ и я, а за поясомъ у меня топоръ: не то, чтобы у меня въ то время намѣреніе какое было, а просто потому, что мужику безъ топора быть нельзя. Встрѣтился я съ ней, а она опять надомной посмѣиваться: „что, говоритъ, знать въ лѣсу тоску разогнать пришелъ“.—Богъ свидѣтель, баринъ, не чуялъ я въ эту пору и самъ, что дѣлаю; не знаю и теперь. Помню только, что выхватилъ я топоръ изъ-за пояса и билъ имъ, куда по-

¹⁾ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ). Въ острогѣ. Посѣщеніе первое.

пало, билъ дотолѣ, доколѣ самъ съ ногъ не свалился. Потемнѣло у меня въ глазахъ и вся кровь въ голову такъ и хлынула! Однако, я тутъ уснулъ и спалъ этакъ съ полсутки. Только выпавшись и увидѣвши подлѣ себя Парашку ужъ мертвую, я будто очнулся и началъ тутъ припоминать все, какъ было. Сначала я было испужался и хотѣлъ бѣжать, а потомъ махнулъ рукой на все и объявился становому "... — „Что-жъ, продолжалъ арестантъ свой рассказъ,—виновать я; правда, что виновать. А коли по правдѣ-то разсудить, такъ вѣдь истинно я не въ своемъ разумѣ тогда былъ... Всякому вѣдомо, что я въ жизнь никого не обидѣлъ, стало быть—не разбойникъ и не душегубецъ былъ. Однако вотъ я въ тюрьмѣ; да и то, видишь, еще мало, потому, говорятъ, у тебя на душѣ убийство. Оно, конечно, убийство, да вѣдь надо его сообразить—убийство-то! Мнѣ не то обидно, что меня ушлютъ—миръ вездѣ великъ, а то вотъ, что всякъ тебя убійцей зоветъ. Другой, сударь, сызмальства воръ, всю жизнь по чужимъ карманамъ лазилъ, а и тотъ нарываетъ въ глаза тебѣ наплевать: я, дескать, только воръ, а ты убійца!“...

Въ этомъ простомъ разсказѣ очень вѣрно изображено состояніе патологическаго афекта,—настолько вѣрно, что лучшаго описанія трудно найти въ любомъ учебникѣ психіатріи.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, между прочимъ, насколько необходимо современнымъ образованнымъ юристамъ-практикамъ знакомство съ основами психопатологіи. Если бы наши судьи также хорошо знали различныя болѣзненные проявленія душевной дѣятельности человѣка, какъ они хорошо знаютъ законы, и если бы они приложили столько-же старанія къ основательному изученію патологіи души, сколько они прилагаютъ его къ легко усвоиваемому и болѣе доступному штудированію Уложенія о наказаніяхъ, тогда бы они навѣрное менѣе осуждали, а болѣе миловали. Прошло то время, когда на всякаго преступника смотрѣли исключительно какъ на порочную натуру, какъ на гангренозный членъ общества, который нужно только ампутировать. Не возвратятся больше

тѣ времена, когда юристы при отправленіи правосудія имѣли въ виду только преступленіе и старались подвести его подъ ту или другую статью закона. Теперь изучаютъ главнымъ образомъ самого преступника и тѣ социальныя условія, которыя его формируютъ. Поэтому, юристу сейчасъ больше, чѣмъ кому либо, необходимо изучать челоуѣка въ его здоровомъ и больномъ состояніи, необходимо знакомиться съ основами положительнаго знанія. Только при этомъ условіи онъ можетъ выработать себѣ правильный взглядъ на природу преступленія и уяснить смыслъ и значеніе наказанія.

Хочется вѣрить, что недалеко то время, когда мы кореннымъ образомъ измѣнимъ свои отношенія къ нѣкоторымъ категоріямъ преступниковъ и будемъ обращаться съ ними такъ же гуманно, какъ обращаемся теперь съ душевно-больными. Такъ думать позволяютъ намъ тѣ гуманныя направленія, которыя господствуютъ теперь въ современной наукѣ. Не будемъ забывать при этомъ, что „утопическая мысль одного вѣка нерѣдко становится обыденнымъ понятіемъ слѣдующаго“.

Мнѣ кажется, Мм. Гг., что я уже достаточно привелъ теоретическихъ соображеній и примѣровъ въ подрѣзленіе тѣхъ положеній, которыя хотѣлъ установить, и для уясненія той основной мысли, которую намѣренъ былъ провести въ настоящей бесѣдѣ. Я старался прежде всего обратить вниманіе на то, что гениальность вовсе не есть такая необъяснимая способность, какъ объ этомъ обыкновенно привыкли думать. Гений, подобно душевной болѣзни, можетъ явиться продуктомъ сложныхъ вліяній наслѣдственности. Правда, мы не знаемъ тѣхъ тонкихъ психическихъ процессовъ, которые лежатъ въ основѣ дѣятельности генія, какъ не знаемъ вообще сущности нашей душевной дѣятельности, но мы все-же можемъ хорошо изучить ту почву, на которой появляются гении, и тѣ условія, при которыхъ они проявляютъ свое творчество. Анализъ психической жизни гениевъ приводитъ насъ къ заключенію, что они нерѣдко отличаются умственной неустойчивостью, психической неуравновѣшенностью, что на ряду съ мощной силой

ума они проявляютъ слабость воли и недостатокъ нравственныхъ чувствъ, чѣмъ и объясняется цѣлый рядъ странностей, эксцентричностей и противорѣчій, наблюдающихся у великихъ людей. Однако на основаніи этихъ признаковъ можно только нѣкоторымъ образомъ сближать гениальность съ душевнымъ разстройствомъ, но не отождествлять ихъ. Если справедливо замѣчаніе, что „сумасшествію предназначено доставить драгоценные элементы возвышеннымъ изслѣдованіямъ экспериментальной психологіи“¹⁾, то съ этой точки зрѣнія также вѣрно будетъ отчасти и то, что гений представляетъ собою въ известномъ смыслѣ „психологическій экспериментъ“, благодаря которому мы получаемъ возможность наблюдать выснія проявленія человѣческаго духа и такимъ образомъ лучше уяснить себѣ и изучить природу психической дѣятельности вообще.

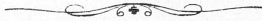
Мм. Гг.! Вопросъ, затронутый мною въ настоящей лекціи, слишкомъ обширенъ и сложенъ, чтобы его можно было исчерпать всецѣло и разобрать всесторонне въ одной часовой бесѣдѣ. Поэтому я ограничиваюсь выше изложеннымъ, помня хорошо правило, что „тайна наводитъ скуку“ заключается въ стремленіи сказать рѣшительно все“.

Въ заключеніе только еще два слова. Общество часто возмущается тѣмъ, что „наука считаетъ себя въ правѣ измѣрить частицу сумасшествія, могущую быть примѣшанной, напр., къ мудрости Сократа или къ гению Паскаля“, и упрекаетъ за это изслѣдователей, которые такимъ путемъ какъ будто умаляютъ значеніе великихъ людей. Упрекъ совершенно незаслуженный. Задача науки—открывать естественные законы природы. Въ виду этого весьма понятно, почему ученые такъ усиленно стараются изучить психо-физиологію гениа и такимъ образомъ дать естественное объясненіе тому „таинственному дару“, которымъ награждаетъ природа своихъ рѣдкихъ и счастливыхъ избранниковъ.

¹⁾ Dr. Tebaldi. Ragione e pazzia. Цит. по Д. Дрилю: Преступность и преступники. Уголовно-психологическіе этюды. Спб. 1895.

Никто не может сомнѣваться въ томъ, что душевныя болѣзни, какъ таковыя, представляютъ собою величайшее несчастіе для человѣка. Но этого никакъ нельзя сказать по отношенію къ легкимъ нарушеніямъ душевной дѣятельности. Такія слабыя уклоненія имѣютъ иногда особенное значеніе и при томъ настолько отличное, что „маленькая крупинка сумасшествія составляетъ для нѣкоторыхъ умовъ ихъ благородный признак“... „Это въ такой мѣрѣ правильно,—говоритъ Cullerre ¹⁾),—что позволяетъ безъ особенной гиперболы сказать, что въ тотъ моментъ, когда въ мѣрѣ исчезнутъ полусумасшедшіе, цивилизованный мѣрѣ погибнетъ—не вслѣдствіе избытка мудрости, а отъ излишка посредственности“.

Я позволяю себѣ утверждать, что въ этомъ замѣчаніи есть большая доля правды.

¹⁾ Д-ръ А. Cullerre. Les frontieres de la folie.—Рус. пер. Харьковъ, 1889.